

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/Ispr.2021.17.4.8

ВОЗРАСТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ АНТИКОВИДНЫХ МЕР (РЕЗУЛЬТАТЫ ФОКУС-ГРУПП В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Тип статьи: научная

Получено 03.08.2021

Одобрено 21.10.2021

Опубликовано 03.12.2021

Для цитирования: Кришталь М.И. Возрастная дифференциация восприятия антиковидных мер (результаты фокус-групп в Калининградской области) // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. №4. С. 514–523. DOI: 10.19181/Ispr.2021.17.4.8

М.И. КРИШТАЛЬ¹

¹ Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (236022, Россия, Калининград, ул. Чернышевского, 56а).

Аннотация

Пандемия COVID-19 стала ключевой проблемой российского общества и представителей власти в 2020 году. В этой связи возникает актуальность изучения оценок и особенностей восприятия населением антиковидных мер властей, которые изначально были сопряжены с рисками социального, экономического и политического характера. Цель данного исследования – выявление возрастных особенностей восприятия противоэпидемиологических мероприятий властей, на примере жителей Калининградской области. С августа по ноябрь 2020 года было проведено шесть фокус-групповых интервью с представителями трёх возрастных групп. Полученные данные были обработаны в программе качественного анализа ATLAS.ti. В результате выявлено, что основные возрастные различия проявляются при оценках внедрения в условиях коронавируса дистанционных форм социального взаимодействия. Негатив старшего поколения к нововведению обусловлен обеспокоенностью за получение их внуками и детьми в данном формате необходимых образовательных и коммуникационных навыков и компетенций, а также из-за опасений быть обманутыми мошенниками. Молодёжь и представители среднего возраста наряду с этим отмечают позитивные возможности дистанта из-за упрощения реализации ряда социальных действий. Также выявлены возрастные отличия относительно восприятия информации о пандемической обстановке, предоставляемой представителями власти. Молодёжь считает, что в основе искажения данной информации могут лежать политические мотивы властей. Представители старшей возрастной группы считают, что причиной корректировки властями информации выступает желание получения финансовой выгоды за счёт населения. Люди возрастной группы 31–49 лет видят в этом искажении преимущественно благой мотив недопущения паники среди населения. Оценки введения самоизоляции и отношение к массовой вакцинации от COVID-19 оказались схожими у представителей разных поколений. Зачастую поддерживая режим самоизоляции, респонденты отмечали обязанность властей обеспечить финансовую безопасность людей. Касательно использования вакцины среди всех возрастных групп обнаружен скепсис, обусловленный страхами относительно её ненадёжности.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия коронавируса, фокус-группы, ATLAS.ti, эпидемиологические риски, оценка властей, возрастные различия, вакцинация

Введение

Пандемия COVID-19 была воспринята российским обществом как первая после окончания «Холодной войны» глобальная угроза, требующая значительных совместных усилий властей и социума [9: 7]. Подобное отношение к эпидемиологической угрозе нашло отражение в общественных настроениях жителей России: коронавирус стал для населения страны главной темой 2020 года, а изобретение вакцины – самой важной победой. В целом же этот год рассматривался россиянами как наиболее тяжёлый и неудачный за всё время проведения мониторинга общественных настроений с 2003 года¹.

Наряду с острым восприятием россиянами последствий пандемии социологи фиксируют среди жителей страны низкий уровень межличностного [4: 42] и институционального [8] доверия. Анализируя степень доверия россиян к социальным институтам в условиях пандемии, они обнаружили такие негативные тенденции социальных настроений, как «рост разочарования в способности государства адекватно реагировать на угрозы и обеспечивать защиту граждан», а также усиление страхов,

связанных с экономическими последствиями коронавируса [7: 434]. Одним из отрицательных последствий такого недоверия стало нежелание части общества участвовать в коллективных действиях, направленных на предотвращение рисков [8: 50].

Негативное восприятие последствий COVID-19 и низкий уровень межличностного и институционального доверия оказались взаимосвязанными социальными явлениями, поскольку снижение качества жизни стало предпосылкой для поиска виновных, «организовавших» пандемию или имеющих выгоду в сложившейся эпидемиологической обстановке [15: 32]. Также это стало основой для веры в конспирологические теории, возникшие в достаточно большом количестве вокруг данной тематики [10].

Специфика таких настроений во многом вызвана тем, что угроза коронавируса оказалась сопряжена с рисками социального, экономического и политического характера [17]. В.С. Вахштайн, экстраполируя события атипичной пневмонии 2003 года в Гонконге на современность, отмечает, что наряду с угрозой глобальной пандемии в таких условиях возникают связанные с ней проблемы политической некомпетентности и соци-

¹ ВЦИОМ. Итоги года 2020. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2020/Itogi_goda_2020_.pdf (дата обращения: 03.08.2021).

альной близорукости [2]. В свою очередь рост тревожности населения, вызванный пандемической угрозой, как показывает практика, может привести к распространению социального недовольства и формирования протестных движений. В частности, исследователи отмечают, что движение «BlackLivesMatter» образовалось вследствие эмоционального взрыва на фоне мер по ограничению распространения пандемии [6: 107]. Причём протестная активность, начавшаяся вокруг проблематики COVID-19, как показывает практика, в течение короткого времени может обрести новые смыслы. В качестве примера можно привести протестные акции студентов Венгрии, вызванные введением в стране дистанционного образования по причине пандемии. В ходе них произошло реконструирование смысла протеста, изначально возникшего на основе неприятия антиковидных мер, но вскоре расширившего свою повестку иными темами: борьбой с коррупцией, поддержкой малообеспеченных, свободой печати и т.д. [19: 28-29].

Распространение пандемии стало также предпосылкой возникновения ковид-диссидентства – протестного социально-политического движения, проявляющегося в отрицании коронавируса, противодействии антиковидным мерам со стороны государства и противостоянии тем, кто их поддерживает [14: 18]. В ряде стран уже прошли массовые протесты, организованные представителями данного движения. В США в определённый период времени взаимоотношения ковид-диссидентов и власти обрели иную специфику – администрация бывшего президента Д. Трампа пыталась в преддверии выборов получить в их лице поддержку. Ради достижения этой цели лидер США публично выступал перед сторонниками без индивидуальных средств защиты, высмеивал конкурентов-демократов за раздувание паники вокруг коронавируса и ношение масок и т.д. В результате среди участников предвыборных съездов, проводимых республиканской партией, были сторонники из числа ковид-диссидентов.

Наряду с этим исследователи фиксируют иные, более привычные, случаи солидаризации общества с исполнительной властью в условиях пандемической обстановки. В частности, в Италии определение коронавируса в качестве войны с невидимым врагом позволило легитимировать чрезвычайную власть и вводимые ограничительные меры [1: 54-55]. В Швеции в свою очередь все партии Риксдага поддержали действия правительства по предотвращению последствий COVID-19 [11: 127]. Кроме того, учёные высказывали мнение, что граждане в условиях кризиса, вызванного пандемией, отдают предпочтение централизован-

ному типу управления, продемонстрировавшему эффективность в момент чрезвычайных ситуаций [18: 48-49]. Вместе с тем исследователями отмечалось, что доверие властям было характерно для начального этапа пандемии, затем же стали возникать сомнения в разумности и законности принимаемых ограничительных мер [6: 110].

Таким образом, можно констатировать, что отношение населения к мерам властей, направленным против распространения пандемии COVID-19, проявляется в различных условиях в диаметрально противоположных формах: от солидаризации до открытого противостояния. Это обуславливает актуальность проведения мониторингов общественных настроений с целью выявления отношения жителей к антиковидным мерам правительства.

Результаты социологических опросов жителей России демонстрируют, что среди различных возрастных групп россиян отсутствует консенсус относительно таких мер, принимаемых властями по борьбе с пандемией, как введение самоизоляции², внедрение дистанционных форм социального взаимодействия³ и проведение массовой вакцинации⁴. Возрастная дифференциация восприятия мер властей по борьбе с коронавирусом фиксируется и на локальном уровне. В частности, социологический опрос жителей Москвы продемонстрировал, что среди людей старше 60 лет доля поддерживающих самоизоляцию выше, чем среди других возрастных групп [13: 141].

В этой связи напрашивается вывод о необходимости реализации адресного подхода государства в отношении защиты разных возрастных групп от коронавируса и его последствий в целях предотвращения роста социального недовольства и недоверия. Но, несмотря на это, на современном этапе практически не изучены глубинные причины, формирующие отношение россиян к принятым антиковидным мерам, а также степень их доверия к информации официальных властей об эпидемиологической угрозе [16: 69]. Поэтому цель данного исследования, являющегося поисковым, заключается в выявлении этих глубинных причин в разрезе принадлежности респондентов к возрастным группам.

² Режим самоизоляции: ожидания, мотивы, оценка введённых ограничений. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rezhim-samoizolyaczii-ozhidaniya-motivy-ocenka-vvedennykh-ogranichenij> (дата обращения: 01.10.2021).

³ Удалённая работа по-русски: плюсы и минусы. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/udalennaja-rabota-po-russki-pljusy-i-minusy> (дата обращения: 01.10.2021).

⁴ Вакцинация против COVID-19: перспективы и ожидания. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinaczija-protiv-covid-2019-perspektivy-ozhidaniya> (дата обращения: 01.10.2021).

Гипотеза и методика исследования

Предварительно перед исследованием был проведён в период с 23 по 29 апреля 2020 года социологический опрос населения Калининградской области (829 респондентов), посвящённый восприятию рисков, связанных с COVID-19 (доверительная вероятность – 95%, погрешность – $\pm 3,4\%$ [5]). Методика исследования представляла собой комбинацию онлайн-опроса и личного формализованного интервью в условиях соблюдения самоизоляции. Было выявлено, что представители старшей возрастной группы (52+) серьёзнее оценивали угрозу коронавируса и как результат чаще выступали за продление антиковидных мер до июня 2020 года. Миллениалы (18–35 лет) и представители реформенного поколения (36–51 года), напротив, были менее восприимчивы к угрозе коронавируса и преимущественно выступали за сохранение только части антиковидных мер. Поэтому в данном исследовании выдвинута гипотеза, что по причине дифференцированности восприятия эпидемиологических рисков возрастными группами им присущи различные оценки антиковидных действий властей, а также информации из официальных источников о пандемии.

Основной метод исследования – фокус-группа с последующей обработкой полученной информации в программе качественного анализа ATLAS.ti. Участники фокус-групп рекрутировались из Калининградской области. Всего в период с августа по ноябрь 2020 года было проведено шесть фокус-групп: две фокус-группы по восемь респондентов с молодёжью (18–30 лет), две (пять и восемь респондентов соответственно) – с людьми среднего возраста (31–49 лет) и две (пять и восемь респондентов соответственно) со старшей возрастной группой (старше 50 лет).

Полученная в ходе фокус-групп качественная информация была закодирована в программе ATLAS.ti. Впоследствии в ней определялась значимость связи между независимыми кодами (принадлежностью респондента к возрастной группе) и зависимыми, демонстрирующими особенности восприятия антиковидных мер властей и официальной информации о пандемии. Сила сопряжённости обозначается в программе ATLAS.ti как с-коэффициент, который является индикатором силы между двумя кодами. Чем выше его показатель, тем значительнее фиксируется сила связи переменных. Рассчитывается с-коэффициент по формуле⁵:

$$C = \frac{n_{12}}{(n_1 + n_2 - n_{12})},$$

⁵ ATLAS.ti 8 Windows: user manual. 2017. URL: http://downloads.atlasti.com/docs/manual/atlasti_v8_manual_en.pdf (accessed: 03.08.2021).

где n_{12} – частота взаимных пересечений кода 1 и кода 2 в одном анализируемом фрагменте, n_1 и n_2 – это частота кодов 1 и 2 во всём проекте в целом.

Результаты исследования**Причины недоверия официальной информации об эпидемиологической ситуации**

Данные общенациональных социологических опросов демонстрируют, что почти половина населения России (47%) не доверяет официальной информации о ситуации с коронавирусом в стране⁶. Часть участников фокус-групп также заявила, что не всегда доверяет такой информации, приписывая при этом властям различные мотивы для её искажения (таблица 1). Среди младшей возрастной группы (18–30 лет) превалировало мнение, что власти фальсифицируют информацию с целью получения политических дивидендов. Так, респондентами отмечалось, что правительство было заинтересовано в преуменьшении эпидемиологических рисков ради увеличения явки во время проведения всероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ, а также недопущения роста социальных расходов: *«Интерес властей в искажении был связан с поправками в Конституцию, они хотели, чтобы люди активно в этом участвовали, приходили голосовать и не боялись. Для этого были некие манипуляции со статистикой. Также искажение было выгодно властям чтобы не оплачивать отпуска и пребывание дома»* (женщина, 20 лет).

Схожее мнение было выявлено и среди представителей самой старшей возрастной группы: *«Власти пользовались информацией в нужной ей пропорции. Если им нужно было провести голосование какое-нибудь, чтобы люди пришли, тогда подавалась информация, что почти все выздоровели. А чтобы люди не вышли на демонстрацию, начинали их пугать»* (мужчина, 59 лет). Но наряду с этим представители возрастной группы 50+ полагали, что власти искажают информацию о пандемии ради получения финансовой выгоды: *«Власти пользуются информацией, чтобы устанавливать более высокие цены на лекарства и другие товары. Лекарства, которые раньше были дешёвые, все подорожали»* (мужчина, 55 лет).

Респонденты средней возрастной группы, напротив, преимущественно считали, что в основе корректировки властями информации о коронавирусе лежал благой мотив недопущения паники среди населения: *«Если власти говорят, что мест для больных хватает, то это исключительно для того, чтобы не вызывать панику»* (мужчина, 33 года).

⁶ Коронавирус: доверие информации и опасения заболеть. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14449> (дата обращения: 03.08.2021).

Таблица 1

Оценка мотивов искажения властями информации об эпидемиологической ситуации (показатели с-коэффициентов кодов)

Table 1

Assessment of the Motives of the Authorities' Distortion of Information about the Epidemiological Situation (indicators of c-coefficients of codes)

Возраст	18–30 лет	31–49 лет	50 лет и старше
Власти искажают информацию с целью получения финансовой выгоды	0,01	0,02	0,1
Власти искажают информацию с целью роста дисциплинированности граждан в соблюдении противоэпидемиологических мер	0,03	0,06	«-»
Власти искажают информации из-за отсутствия полных знаний о проблеме	0,03	«-»	0,02
Власти искажают информацию ради достижения политических целей	0,11	0,05	0,08
Власти искажают информацию с целью скрыть неготовность к пандемии	0,04	«-»	0,02
Власти искажают информацию для недопущения паники среди населения	0,03	0,09	«-»

Оценка перехода на дистанционное взаимодействие

Среди россиян различных возрастных групп фиксируются диаметрально противоположные позиции в отношении перехода к дистанционному взаимодействию в трудовой сфере⁷. Так, среди респондентов 18–24 лет зафиксирована самая высокая доля желающих сохранить дистанционный формат работы (33%). Представители старших возрастных групп, в особенности респонденты 45–59 лет и старше, напротив, в абсолютном большинстве своём выступают за сохранение традиционного формата работы: 71% и 68% соответственно. Для сравнения преимущественно дистанционную форму трудовой деятельности среди них выбрало только 7% и 9%.

Схожая специфика настроений была выявлена в ходе анализа данных, полученных по итогам фокус-групп (таблица 2). Причём их участникам задавались вопросы, касающиеся отношения к переходу в связи с возникновением пандемии на дистанционные формы социального взаимодействия, выходящего за пределы исключительно трудовой сферы.

Представители возрастной группы 50+ крайне негативно оценивали данный процесс. Можно выделить три основные причины формирования подобного отношения. Во-первых, это было вызвано беспокойством за развитие детей и

внуков. В частности, в сфере образования: «За полгода произошли очень большие изменения из-за дистанционного обучения. Я смотрю на своего бедного внука, его начинает колотить, когда объявляют о том, что они уходят на дистанционку. Они теряются, получают меньше знаний, нервничают, и ничего у них не получается» (женщина, 62 года). Также присутствует беспокойство из-за угроз снижения возможностей межличностной коммуникации в форме живого общения среди детей и внуков: «От дистанта больше негатива, потому что дети общаться не будут. Они и ранее не общались, так как все в играх, в каких-то программах, так хотя бы в школе общались» (мужчина, 55 лет). Кроме того, оказалось распространённым мнение, что внедрение дистанционных форм происходит в связи с намерением властных кругов снизить интеллектуальные способности людей ради получения выгоды: «Дистанционка очень сильно отупляет людей. Вводят цифровизацию, пользуясь пандемией, чтобы самим ничего не делать, а людей превращать в баранов, чтобы население было тупее, а их дети в итоге правили миром» (мужчина, 50 лет). Также представители возрастной группы 50+ высказывали опасения, что рассматриваемый процесс будет сопряжён с рисками оказаться обманутыми мошенниками: «Стало в результате более развито мошенничество. Взять, к примеру, приобретение билета через Интернет, рейс отменили, деньги ждёшь, и тишина!» (мужчина, 55 лет). Вероятно, страх стать жертвой мошенников в результате усиления

⁷ Удалённая работа по-русски: плюсы и минусы. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/udalennaja-rabota-po-russki-pljusy-i-minusy> (дата обращения: 01.10.2021).

**Оценка перехода на дистанционные формы социального взаимодействия
(показатели с-коэффициентов кодов)**

Assessment of the Transition to Remote Forms of Social Interaction (indicators of c-coefficients of codes)

Возраст	18–30 лет	31–49 лет	50 лет и старше
Переход на дистанционные формы социального взаимодействия является преимущественно позитивным явлением	0,08	0,09	«-»
Переход на дистанционные формы социального взаимодействия является преимущественно негативным явлением	0,03	«-»	0,19
Переход на дистанционные формы социального взаимодействия несет в себе примерно в равной степени негативные и позитивные последствия	0,11	0,11	0,01

цифровизации общества, вызванной пандемией, обусловлен наличием меньшего опыта у представителей старших поколений в использовании широкого функционала сети Интернет [12: 21–22].

Среди респондентов возрастной группы 18–30 лет доминирует мнение, что переход на дистанционные формы социального взаимодействия несёт в себе как позитивные, так и отрицательные последствия. В качестве положительных представители молодёжи отмечали упрощение получения различных услуг и возникновение новых рабочих мест. Выделяя негативные последствия, респонденты называли снижение межличностной коммуникации, проблемы в получении знаний в образовательной сфере, угрозы со стороны хакеров, а также невозможность всех отраслей экономики подстроиться под новые условия. В качестве примера можно привести следующее мнение: «При пандемии цифровизация стала развиваться ещё быстрее, у неё есть минусы: возможность несанкционированного доступа к информации, угроза культуры безопасности и сплошная массовая безработица. Из плюсов: создание новых рабочих мест, снижение издержек производства и рост производительности труда» (мужчина, 21 год).

Достаточно схожие настроения были выявлены среди респондентов возрастной группы 31–49 лет. Однако их основные опасения были связаны преимущественно с образовательной сферой: «Давно уже пора было выходить на определённый уровень, особенно в работе государственных учреждений, чтобы началось более чёткое принятие всех документов без стояния в очередях. Но я согласна с Юлией, что для образовательного процесса это минус, потому что некоторые форматы работы и обучения требуют всё-таки офлайн-мероприятий» (женщина, 35 лет).

Оценка режима самоизоляции

Данные социологических опросов демонстрируют, что большинство населения России скорее поддержало принятые властями меры по установлению режима самоизоляции для борьбы с COVID-19. Однако среди представителей возрастных групп 25–34 года и 35–44 года данная поддержка фиксируется на более низком уровне, в сравнении с людьми предпенсионного и пенсионного возраста, а также молодёжью 18–24 лет⁸.

Согласно результатам проведённых фокус-групп, напротив, наиболее значительная поддержка режима самоизоляции была зафиксирована у респондентов возрастной группы 31–49 лет (таблица 3). При этом среди них доминирует мнение о том, что в условиях данного режима государство должно предоставить гражданам социальные гарантии: «Считаю, что карантин нужен, но не такой жесткий, как был по весне, а с элементарными прогулками на свежем воздухе. Сейчас он тоже нужен, но необходима и поддержка государства – оно обязано поддерживать своих граждан» (женщина, 39 лет).

Несколько менее высокая поддержка режима самоизоляции выявлена среди респондентов 18–30 лет. Они преимущественно выразили мнение, что его введение было в целом необходимой мерой, так как это позволило сохранить здоровье и жизни людей: «Я думаю, что меры самоизоляции были однозначно эффективны. Они стоили тех экономических потерь, которые претерпело государство. Если бы этих мер не было, то у нас была бы более высокая заболеваемость и летальность соответственно. Были бы переполнены все

⁸ Режим самоизоляции: ожидания, мотивы, оценка введённых ограничений. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rezhim-samoizolyaczii-ozhidaniya-motivy-oczenka-vvedennykh-ogranichenij> (дата обращения: 01.10.2021).

Таблица 3

Оценка введения режима самоизоляции (показатели с-коэффициентов кодов)

Table 3

Assessment of the Introduction of a Self-Isolation Regime (indicators of c-coefficients of codes)

Возраст	18–30 лет	31–49 лет	50 лет и старше
Преимущественно позитивное отношение к режиму самоизоляции	0,1	0,15	0,09
Преимущественно негативное отношение к режиму самоизоляции	0,05	0,03	0,08

больницы, и персонал бы не справлялся с потоком заболевших» (женщина, 20 лет). Отрицательные мнения представителей самой младшей возрастной группы обусловлены главным образом финансовыми потерями, которые стали следствием режима самоизоляции: «Считаю, что из-за самоизоляции очень сильно пострадал малый бизнес, также и крупный. Было много увольнений, люди теряли рабочие места» (мужчина, 23 года).

Среди представителей возрастной группы 50+ мнения по данному вопросу разделились. Скепсис относительно самоизоляции главным образом был вновь вызван страхом возникновения финансовых затруднений и потери работы: «Остановить предприятия легко, но запустить их заново невозможно. Если лишит мужчину работы, то семья лишается дохода» (женщина, 56 лет). Также некоторым участникам фокус-групп от данной возрастной категории было свойственно не верить в реальность полного соблюдения режима самоизоляции: «Нет смысла никакого в этих ограничениях. Люди итак все общаются, все ходят» (мужчина, 50 лет).

Оценка массовой вакцинации от COVID-19

Согласно социологическим данным, наименьшее желание пройти вакцинацию зафиксировано у респондентов возрастной группы 25–44 года – более половины из них ответило, что не готово делать прививку от COVID-19. Напротив, примерно две трети молодёжи 18–24 лет, а также респон-

денты в возрасте 45 лет и старше заявили о своей готовности к вакцинации⁹.

В то же время участники фокус-групп независимо от возрастной принадлежности проявили солидарность по данному вопросу, в большинстве своём выразив скепсис относительно идеи массовой вакцинации от COVID-19 (таблица 4). Представители всех возрастных групп объясняли своё отношение тем, что вакцина, по их мнению, недостаточно протестирована:

«Очень много факторов и рисков связано с этой прививкой. Вакцина ещё не до конца изведена, исследована и протестирована, поэтому обязательной она точно не должна быть» (мужчина, 24 года).

«Я в принципе за прививки. У меня есть ребёнок, который полностью привит от всех детских болячек, то есть, я не являюсь антипрививочницей. Но я считаю, что пусть они будут лучше исследованы, более апробированы, но только желательно не на людях» (женщина, 39 лет),

«К вакцинации отношусь однозначно отрицательно – мне не нужно побочное действие. Поэтому мне испытания абсолютно не нужны, и я не сделаю прививку ни сейчас, ни потом, ни через десять лет. И буду всем моим близким говорить именно то же самое» (женщина, 53 года).

Наряду с этим в качестве причины отрицательного отношения к идее массовой вакцинации ряд респондентов независимо от возрастной принадлежности называли желание властей в поли-

Таблица 4

Оценка идеи массовой вакцинации населения от COVID-19 (показатели с-коэффициентов кодов)

Table 4

Assessment of the Idea of Mass Vaccination of the Population Against COVID-19 (indicators of c-coefficients of codes)

Возраст	18–30 лет	31–49 лет	50 лет и старше
Поддержка идеи массовой вакцинации	0,06	0,05	«-»
Скептическое отношение к идее массовой вакцинации	0,12	0,13	0,16

⁹ Вакцинация против COVID-19: перспективы и ожидания. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakczinacziya-protiv-covid-2019-perspektivy-i-ozhidaniya>

тических целях быстрее заявить о создании отечественной вакцины: *«Я не доверяю этой спешке в создании вакцины – решили оказаться первыми в мире и начать её так популяризировать просто везде, на всех уровнях. Мне кажется, это результат политики»* (женщина, 34 года). Таким образом, данная информационная политика правительства в ряде случаев приводила к обратной реакции со стороны участников фокус-групп, способствуя росту недоверия к вакцине.

Заключение

В результате проведённого анализа были выделены схожие и различные черты восприятия антиковидных мер властей среди представителей трёх выделенных в исследовании возрастных групп. В зависимости от принадлежности к возрастной группе респонденты видели различную мотивацию властей в корректировке информации об эпидемиологической ситуации. Представители среднего возраста (31–49 лет) считали, что власти тем самым пытались не допустить панику населения, а также повысить дисциплинированность граждан. Молодёжь 18–30 лет высказала мнение, что официальная информация о распространении коронавируса использовалась властями для достижения определённых политических целей. В частности, респондентами упоминалось, что во время проведения голосования по поправкам в Конституцию РФ в государственных СМИ снижалась степень эпидемиологической угрозы, а в период роста социальной напряжённости, напротив, в них заявлялось об осложнении пандемической обстановки. Это мнение было распространено и среди представителей самой старшей возрастной группы (50+). Последние также в качестве причины корректировки официальной информации видели желание властей получить финансовую выгоду за счёт искусственного роста цен и спроса на лекарства посредством создания массовой паники. На наш взгляд, предпосылками для дифференциации данных оценок выступают возрастные различия в восприятии своих социальных потребностей и общественной реальности. Так, для возрастной группы населения 50+ более значимой является проблема приобретения лекарств, поэтому возникают негативные ожидания искусственного роста их стоимости. Недоверие молодёжи же, возможно, обусловлено их протестными настроениями в отношении действий властей в политической сфере.

Также выявлены различные оценки представителей возрастных групп по вопросу перехода на дистанционный формат социального взаимодействия. Представители самой старшей возрастной группы отмечали исключительно отрицательные

последствия такого перехода: рост мошенничества, снижение качества образования детей и внуков, уменьшение их возможностей для социальной коммуникации и угроза падения интеллектуальных способностей всего населения в новых условиях. Столь негативное отношение представителей старшего поколения, вероятно, в том числе связано с их недостаточным опытом использования потенциала сети Интернет. Молодёжь и люди среднего возраста (31–49 лет), напротив, зачастую выделяли позитивные возможности снижения временных и физических затрат на реализацию различных социальных задач (получение услуг, приобретение товаров, выполнение заданий по работе и т.п.). Однако их взгляды на негативные последствия цифровизации в период пандемии несколько различались. Люди среднего возраста выразили главным образом обеспокоенность за своих детей, получающих образование в дистанционном формате. Молодёжь также проявила озабоченность проблемой получения образовательных компетенций в дистанционном формате, но вместе с этим выделила такие негативные последствия, как рост риска хакерства, а также исчезновение отраслей экономики, не способных подстроиться под новые условия труда. Таким образом, важным фактором, формирующим отношение к переходу на дистанционный формат социального взаимодействия, является наличие у респондента детей и внуков, за получение образовательных компетенций которых как правило выражалась обеспокоенность.

Касательно тематики введения режима самоизоляции зафиксированы в целом схожие позиции представителей разных поколений. Респонденты, поддерживающие самоизоляцию, отмечали её необходимость для достижения цели сохранения здоровья и жизни людей. Участники фокус-групп, критикующие данный режим, аргументировали своё мнение страхом снижения экономической защищённости в связи с введением режима самоизоляции. При этом обеим категориям респондентов были присущи патерналистские настроения – они считали финансовую поддержку граждан на период самоизоляции важной обязанностью органов власти.

Тема проведения массовой вакцинации населения от COVID-19 также не вызвала существенных расхождений в позициях представителей различных возрастных групп. Им был свойственен скепсис в отношении отечественной вакцины преимущественно по причине недостаточного доверия к её качеству. При этом транслируемая государственными СМИ информация о том, что отечественная вакцина от COVID-19 является первой в мире, нередко только снижала доверие к её эффективности со стороны респондентов.

Таким образом, основными причинами неприятия антиковидных мер выступают: страх падения социально-экономического положения вследствие введения режима самоизоляции, тревога за получение детьми и внуками образовательных компетенций в результате перехода на дистант (более характерно для людей старше 30 лет), опасения снижения возможностей межличностной коммуникации, боязнь быть обманутыми мошенниками в ходе вынужденного в условиях пандемии взаимодействия в виртуальной среде (присуще представителям возрастной группы 50+) и отсутствие доступной информации о вакцине от COVID-19. Поэтому параллельно с реализацией антиковидных мер перед органами власти встают задачи, направленные на поддержку экономического положения

населения, создание эффективной образовательной системы, использующей дистанционные формы обучения, усиление борьбы с мошенничеством в сети Интернет и активное распространение в средствах массовой коммуникации доступной информации о вакцине и пользе от неё.

Развитие данной темы исследования видится в анализе восприятия антиковидных мер сквозь призму гендерной принадлежности респондентов, их уровня образования, степени религиозности, социально-экономического статуса и т.д.

Благодарности и финансирование

Исследование проведено за счёт Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта на 2016–2020 годы (Проект 5-100).

Список литературы

1. Алексенкова Е.С. Практики «чрезвычайной власти»: политические последствия COVID-19 в Италии // Современная Европа. 2020. Том 97. № 4. С. 50–60. DOI: 10.15211/soveurope420205060.
2. Вахитайн В.С. Пандемия, страх, солидарность // Россия в глобальной политике. 2020. Том 18. № 3. С. 155–162.
3. Кошкин П. Информационно-политические аспекты пандемии коронавируса в США // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2. С. 120–132.
4. Кривоусков В.В. Кризис государственного управления в России в «зеркале» социального доверия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12. С. 41–44.
5. Кришталь М.И., Проданцов К.С. Возрастные особенности восприятия жителями Калининградской области рисков, связанных с коронавирусом // Социальные риски в современном обществе: Материалы Всероссийской научно-практической онлайн-конференции с международным участием, Мурманск, 03-04 декабря 2020 года. 2020. С. 132–136.
6. Лункин Р.Н. Антирасистские протесты в Европе // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. Том 17. №5. С. 106–112. DOI: 10.15211/vestnikieran52020106112.
7. Макушева М.О., Нестик Т.А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №6. С. 427–447. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1770.
8. Нестик Н.А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 2(18). С. 47–83. DOI: 10.38098/irpan.sep.2020.18.2.002.
9. Нестик Т.А., Задорин И.В. Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №5. С. 4–28. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1700.
10. Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлечённость в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. №4. С. 87–104. DOI: 10.17759/sps.20201100407.
11. Плевако Н.С., Карлбек Х. Вирус и шведская модель // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. Том 2. №14. С. 123–129. DOI: 10.15211/vestnikieran22020123129.
12. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029.
13. Решетников А.В., Присяжная Н.В., Павлов С.В., Вяткина Н.Ю. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 138–143. DOI: 10.31857/S013216250009481-2.
14. Сёмина Т.В., Тыртышный А.А. Социальная солидарность и конфронтация в период пандемии коронавируса COVID-19: социальные и правовые аспекты // Образование и право. 2020. №7. С. 11–20.
15. Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А.А. Ослон. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ). 2021. 319 с.
16. Тартаковская И.Н. Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал. 2021. Том 27. №2. С. 68–89. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8087.
17. Тихонова Н.Е. Последствия кризиса 2020–2021 гг. для различных профессиональных групп российского общества // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 2. С. 46–67. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8086.
18. Ткачев С.В. К вопросу о футурологии государственного управления в Российской Федерации // Образование и право. 2020. № 9. С. 48–50. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10907.
19. Шишелина Л.Н. Венгерская политика на фоне второй волны пандемии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. №5. С. 24–30. DOI: 10.15211/vestnikieran520202430.

Сведения об авторе:

Михаил Игоревич Кришталь – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Социологической лаборатории Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта.

E-mail MKrishtal@kantiana.ru elibrary AuthorID 945508

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6167-1025> Researcher ID AAK-2925-2021

DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.4.8

AGE DIFFERENTIATION OF PERCEPTION OF ANTI-COVID MEASURES (RESULTS OF FOCUS GROUPS IN THE KALININGRAD REGION)

RAR (Research Article)

Received: 03.08.2021 Accepted: 21.10.2021 Published: 03.12.2021

For citation: Krishtal M.I. Age differentiation of perception of anti-covid measures (results of focus groups in the kaliningrad region). *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021. Vol. 17. No.4. P. 514–523. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.4.8

MIKHAIL I. KRISHTAL¹

¹ Sociological Lab of the Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University (56 Chernyshevsky str., Kaliningrad, Russian Federation, 236022).

Abstract

The COVID-19 pandemic has become a key problem for Russian society and government officials in 2020. In this regard, there is an urgency to study the assessments and peculiarities of the perception by the population of anti-covid measures of the authorities, which were initially associated with risks of a social, economic, and political nature. The purpose of this study is to identify age-related features of the perception of anti-epidemic measures of the authorities, using the example of residents of the Kaliningrad region. From August to November 2020, six focus group interviews were conducted with representatives of three age groups. The data obtained were processed in the ATLAS.ti qualitative analysis program. As a result, it was revealed that the main age differences are manifested when assessing the introduction of remote forms of social interaction in the conditions of coronavirus. The older generation's negative attitude to innovation is due to concern for their grandchildren and children receiving the necessary educational and communication skills and competencies in this format, as well as due to fears of being deceived by fraudsters. At the same time, young people and middle-aged people note the positive possibilities of distance learning due to the simplification of the implementation of a number of social actions. Age differences were also revealed regarding the perception of information about the pandemic situation provided by government representatives. The youth believes that the distortion of this information may be based on the political motives of the authorities. Representatives of the older age group believe that the reason for the correction of information by the authorities is the desire to obtain financial benefits at the expense of the population. People in the age group of 31–49 years see this distortion mainly as a good motive for preventing panic among the population. Estimates of the introduction of self-isolation and the attitude to mass vaccination against COVID-19 were similar among representatives of different generations. Often supporting the regime of self-isolation, respondents noted the obligation of the authorities to ensure the financial security of people. Regarding the use of the vaccine, skepticism was found among all age groups due to fears about its unreliability.

Keywords: COVID-19, coronavirus pandemic, focus groups, ATLAS.ti, epidemiological risks, government assessment, age differences, vaccination

Acknowledgements. The study was conducted at the expense of the Immanuel Kant Baltic Federal University Competitiveness Improvement Program for 2016–2020 (Project 5-100).

References

1. Aleksenkova E.S. Practices of «extraordinary power»: the political consequences of COVID-19 in Italy. *Contemporary Europe*. 2020. Vol. 97. No. 4. P. 50–60. DOI: 10.15211/soveurope420205060. (In Russ.)
2. Vakhstein V.S. Pandemic, fear, solidarity. *Russia in global affairs*. 2020. Vol. 18. No. 3. P. 155–162 (In Russ.)
3. Koshkin P. Information and political aspects of the coronavirus pandemic in the United States. *Pathways to Peace and Security*. 2020. No. 2. P. 120–132 (In Russ.).
4. Krivopuskov V. The crisis of public administration in Russia in the «mirror» of social trust. *Humanities, Social-economic and Social Sciences*. 2020. No. 12. P. 41–44 (In Russ.).
5. Krishtal M.I., Prodantsov K.S. Age characteristics of the perception of the risks associated with coronavirus by residents of the Kaliningrad region. *Sotsialnye riski v sovremennom obshchestve: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi onlain-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Social risks in modern society: Materials of the All-Russian scientific and practical online conference with international participation]. Murmansk, 03–04 December 2020. 2020. P. 132–136 (In Russ.).
6. Lunkin R.N. Anti-racist protests in Europe. *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*. 2020. Vol. 17. No. 5. P. 106–112. DOI: 10.15211/vestnikieran52020106112 (In Russ.).
7. Makusheva M.O., Nestic T.A. Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic. *The monitoring of public opinion economic&social changes*. 2020. No. 6. P. 427–447. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1770 (In Russ.).
8. Nestic N.A. The impact of the pandemic COVID-19 on society: socio-psychological analysis. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*. 2020. Vol. 5. No. 2(18). P. 47–83. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002 (In Russ.).
9. Nestic T.A., Zadorin I.V. Russians' Attitudes towards Global Risks: Socio-Demographic and Psychological Factors Affecting People's Perception of Threats. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020. No. 5 P. 4–28. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1700 (In Russ.).
10. Nestic T.A., Deineka O.S., Maksimenko A.A. Socio-Psychological Predictors of Belief in Conspiracy Theories of the Origin of COVID-19 and Involvement in Social Media. *Social Psychology and Society*. 2020. Vol. 11. No. 4. P. 87–104. DOI: 10.17759/sp.20201100407 (In Russ.).
11. Plevako N.S., Karlbek H. The Virus and the Swedish model. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2020. Vol. 2. No. 14. P. 123–129. DOI: 10.15211/vestnikieran22020123129 (In Russ.).
12. Radaev V.V. Millennials compared to previous generations: an empirical analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018. No. 3. P. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029 (In Russ.).

13. Reshetnikov A.V., Jury N.V., Pavlov S.V., Vyatkina N.Y. Perception of the COVID-19 pandemic by Moscow residents. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020. No. 7. P. 138-143. DOI: 10.31857/S013216250009481-2 (In Russ.).
14. Semina T.V., Tyrtysnyy A.A. Social solidarity and confrontation during the COVID-19 coronavirus pandemic: social and legal aspects. *Education and law*. 2020. No. 7. P. 11-20 (In Russ.).
15. *Sotsiologiya pandemii. Proekt koronaFOM* [The sociology of the pandemic. The CORONAFOM Project]. Head of the author's team is A.A. Oslon. Moscow: Institut Fonda Obshchestvennoe Mnenie (inFOM). 2021. 319 p.
16. Tartakovskaya I.N. Trust in the Face of a Pandemic: In Search for a Common Ground. *Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 2. P. 68-89. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8087 (In Russ.).
17. Tikhonova N.E. Consequences of the 2020-2021 Crisis for Different Professional Groups in Russian Society. *Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 2. P. 46-67. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8086 (In Russ.).
18. Tkachev S.V. To the issue of public administration futurology in the Russian Federation. *Education and law*. 2020. No. 9. P. 48-50. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10907 (In Russ.).
19. Shishelina L.N. Hungarian politics against the background of the second wave of the pandemic. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2020. No. 5. P. 24-30. DOI: 10.15211/vestnikieran520202430 (In Russ.).

Information about the author:

Mikhail I. Krishtal – Ph.D. in Geography, Researcher, Sociological lab of Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.

E-mail MKrishtal@kantiana.ru **elibrary AuthorID** 945508

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6167-1025> **Researcher ID** AAK-2925-2021